

«НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА»: ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА – ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Статья известного в литературных кругах тонкого критика и публициста И. С. Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева» была напечатана в четвертом номере журнала «Современник» в 1854 г.¹ Появление статьи сопровождалось публикацией стихотворений в двух книжках «Современника» этого же года (причем, «Тургеневу стоило большого труда выпросить у Тютчева тетрадку его стихотворений для “Современника”»²) и первым отдельным изданием стихов Тютчева (1854).

Основные положения статьи о том, чье творчество, по мнению Тургенева, является совершенным образцом поэзии (*...о Тютчеве не спорят; кто его не чувствует,*

тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии...³), следующие:

1. Тютчев – единственный в ряду поэтов – современников (Тургенев дает краткие, но выразительные характеристики художественных дарований Фета, Некрасова и Майкова), на ком *лежит печать (524)* пушкинской поэтической эпохи. Имя Пушкина названо в статье трижды. Помимо вышеуказанного, в преамбуле читателю напоминает о высокой оценке поэзии Тютчева, которую ей дал Пушкин. А первый абзац статьи завершается мнением об органичности и естественности стихотворений Тютчева: *они все кажутся написанными на известный случай, ... то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве... (525)* – в этом Тургенев усматривает влияние Пушкина.

¹ И. С. Тургенев, *Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения*, Т. 4, М.: Наука, 1980, 524 – 528. Далее ссылки на это издание даются в тексте: цитаты – курсивом, в скобках указываются страницы.

² А. А. Фет, «Из “Моих воспоминаний”», *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т.*, М.: Художественная литература, 1983, Т.1, 169.

³ И. С. Тургенев, *Полн. собр. соч. и писем в 30 т., Письма*, Т. 3, М.: Наука, 1987, 356.

2. Органичность и естественность Тютчева, названные *драгоценным качеством*, предполагают отсутствие в его поэзии всякого рода искусственности, надуманности, безжизненности. Размышлениям Тургенева об этом сопутствует одна из двух развернутых метафор в его статье: художник вынашивает произведение у *своего сердца, как мать ребенка в чреве; собственная его кровь должна струиться в его произведении...*(524).
3. Величие дарования Тютчева заключается в полной гармонии дара и личности, творчества и судьбы: *в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та соответственность его с жизнью автора...* (524). Очевидно, что положение 2 и 3 – суть модификации одной мысли: *человек, желающий создать что-нибудь целое, должен употребить на это целое свое существо* (526).
4. Из определения *жизненности* (525) таланта Тютчева как основного качества его поэтического дара проистекают размышления о правомерности и степени участия в художественном процессе *творческой фантазии*. Утверждается отсутствие *сочинительства, риторики* в поэзии Тютчева (525, 526).
5. К последнему примыкают высказывания о *виртуозности* таланта, об *обработке* его в ущерб *жизненности*, о *власти ... над вдохновением*. В связи с этим упомянуты определенные недостатки *внешней* (формальной. – Г. М.) *стороны* дарования Тютчева (525, 526). Эти рассуждения сопровождаются второй риторической фигурой: *Из отрубленного, высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на том суке свежесму листу, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни согревай его весеннее солнце* (525).
6. Для Тютчева характерна определенная ограниченность поэтических тем и пристрастий и проистекающая из этого чистота лирического и только лирического дарования: *Круг г. Тютчева не обширен – это правда, но в нем он дома. Талант его не состоит из бессвязно разбросанных частей: он замкнут и владеет собою; в нем нет других элементов, кроме элементов чисто лирических* (524–525); *В даровании г. Тютчева нет никаких драматических или эпических начал...* (527).
7. Исследуется диалектика мысли и чувства в поэзии вообще и в стихотворениях Тютчева в частности. У Тютчева, по мнению Тургенева, превалируют, так сказать, «мысль сердечная»: *она никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно* (526–527). При этом у поэта отсутствует *наставнический тон, дидактичность, натянутость и холодность* пояснения какой-либо мысли или идеи (527).

Прокомментируем некоторые положения статьи.

1. Обращение к авторитету Пушкина – позиция, принципиально важная для Тургенева. Известно безоговорочное признание Тургеневым творчества Пушкина как образца для подражания. В

полемиках с В. В. Стасовым или, к примеру, с К. Д. Кавелиным Тургенев проговаривал четко сформулированные достоинства пушкинского наследия: лаконизм, точность и простоту слога, объективное отношение к вещам, верное, с точки зрения Тургенева, понимание творческого процесса и т.д.⁴

В российском литературоведении нет единой точки зрения на то, принадлежал ли Тютчев к «пушкинской плеяде» поэтов, как и на то, насколько положительно Пушкин оценил стихи своего современника⁵. Так, к лирике Тютчева обращались те, кто стремился «обойти пушкинский канон»: несколькими годами раньше Тургенева Н. А. Некрасов опубликовал статью «Русские второстепенные поэты», в которой именно в стихах Тютчева находил опору для новых тенденций в своем собственном творчестве⁶. Тургенев же, невысоко оценивавший современную ему поэзию (в частности, того же Некрасова), нашел в лице Тютчева достойного преемника Пушкина, попутно придерживаясь мнения большинства своих современников о бесспорном признании поэта самим Пушкиным.

Итак, Тютчева «приветствовали ... такие разные по вкусам своим и тенденциям люди, как Некрасов и Тургенев»⁷.

⁴ См. воспоминания В. В. Стасова, А. Ф. Кони, А. Н. Луканиной, дневниковые записи братьев Гонкур – И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, Т. 2, 109, 125, 194–195, 198, 208, 265, 451, 455.

⁵ Подробнее см.: Н. Скатов, «О “двух тайнах” русской поэзии (Некрасов и Тютчев)», *Н. Скатов, Литературные очерки*, М.: Современник., 1986, 210–213.

⁶ Б. Эйхенбаум, «Некрасов», *Б. Эйхенбаум, О поэзии*, Л.: Советский писатель, 1969, 43.

⁷ Б. Эйхенбаум, «Мелодика русского лирического стиха», *Б. Эйхенбаум, О поэзии*, 407.

Некрасов, как заметил Н. Скатов, обратился к творчеству Тютчева в «пору кризисную в развитии Некрасова – поэта»⁸. Но лирика Тютчева, как увидим ниже, отвечала также неким внутренним потребностям Тургенева в преддверии произошедших в нем и в его творчестве перемен.

II. Тургенев оценивает стихи Тютчева как субститут действительности, как выражение и отражение жизни души и природы (2 и 3 положения статьи). Писатель настаивает на *жизненности* (525), *сердечности* (526), *искренности* (527), *почерпнутости из собственного родника* (527) тютчевской лирики. Думается, в этих определениях выражено одно из главных требований Тургенева к художественному тексту – достоверность впечатления.

В содержательных мемуарах Аделаиды Луканиной, доктора медицины, пробывавшей себя на литературном поприще, воспроизводятся рассуждения Тургенева об «объективности» писательской творческой манеры: «Вы у Шекспира нигде не видите его самого – везде перед вами только жизнь, так верно переданная, что вам кажется, будто все само совершается на наших глазах; Вы, в сущности, сидите с головой во всем том, что описываете, вы не судья, и если вам что-либо особенно нравится, то это нравится вам, автору; читатель может отнестись совсем иначе, ему нет дела до того, что нравится вам лично; Помните ... начало «Анчара». Тут в двух стихах все описание пустыни исчерпано, больше нечего и говорить о ней: она перед вами во всей своей

⁸ Н. Скатов, «О “двух тайнах” русской поэзии (Некрасов и Тютчев)», 235.

страшной правде»⁹. Критерий в области субъективного, с точки зрения Тургенева, тот же – реальность и действительность выражаемого чувства (*сердечность, искренность*), подтвержденные опытом собственной жизни (*собственным родником*).

Судя по всему, Тургенев заметил своеобразие личностного начала лирики Тютчева – «индивидуальность, личность здесь “не затемнена” характером»¹⁰. Отсутствие лирического героя и создавала ту «объективность» авторского чувства, которую Тургенев ставил превыше всего в лирике «обожаемого любимца»¹¹ Пушкина и, увы, не находил в поэзии высоко ценимого им Лермонтова¹². В стремлении утвердить в современной ему поэзии жизнеспособность пушкинской экстравертности Тургенев преувеличивает значимость «объективного» в творчестве Тютчева.

III. По мнению Тургенева, Тютчев не репрезентирует себя в мире, точно так же как не демонстрирует ни техники стихотворного текста, ни его специфики, ни постижения им своей природы: он не *щеголяет своим ощущением перед другими*,

⁹ А. Н. Луканина, «Мое знакомство с И. С. Тургеневым», *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*, Т. 2, 194–195, 197, 208.

¹⁰ Н. Скатов, «О “двух тайнах” русской поэзии (Некрасов и Тютчев)», 227.

¹¹ В. В. Стасов, «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе», *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*, Т. 2, 109.

¹² «Романтической натуре Кавелина ропщущий, негодующий и страдающий Лермонтов был ближе, чем величавый в своем созерцании Пушкин. Но Тургенев с таким взглядом примириться не мог, и объективность Пушкина пленяла его гораздо больше субъективности Лермонтова» – А. Ф. Кони, «Из книги “На жизненном пути”. И. С. Тургенев», *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*, Т. 2, 125.

не играет с ним перед самим собой, <...> не принимается komponировать и раскрашивать свои фигуры (527). В марте 1878 г. Аделаида Луканина записала «мастер-класс» Тургенева по художественной речи: «Вычурность, подчеркиванья и т.п. большею частью служат прикрытием пошлости и посредственности. Когда вы переписываете свои работы, вычеркивайте не только неясности, но и все то, что вам самой может показаться слишком красиво, что поражает вас самое; <...>...мне кое-где в вашем рассказе чувствуется, как будто вы *хотите* (выделено автором. – Г. М.) красиво выразиться и поэтому говорите каким-то легендарно-сказочным языком. <...> Из Пушкина целиком выработался Лермонтов – та же сжатость, точность и простота. Но у Лермонтова кое-где проглядывает рисовка, он как будто красуется»¹³. По Тургеневу, достойный подражания художественный текст должен скрывать информацию о собственном алгоритме, о технологии своего создания. Вышесказанное подтверждают наблюдения М. Л. Гаспарова, проанализировавшего тургеневское редакторство текстов А. А. Фета. Тургенев забраковал как «неуместно выбивающуюся из объективного стиля» концовку тех стихов Фета, в которых автор вышел на уровень метаописания собственного текста¹⁴.

Итак, с точки зрения Тургенева, метафиггиональное начало практически отсутствует у Тютчева. И так как именно

¹³ А. Н. Луканина, «Мое знакомство с И. С. Тургеневым», 196–198.

¹⁴ М. Л. Гаспаров, «Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому», *Новое литературное обозрение*, № 56 (4'2002), 108.

статус артефакта поэтического произведения как раз и вызывает вопрос о взаимоотношении вымысла и реальности¹⁵, то не оттого ли Тургенев предваряет категорическое утверждение о том, что в поэзии Тютчева нет *следов... сочинительства* (526), инвективой в адрес драматических фантазий Н. В. Кукольника с их антитезой «искусства» и «жизни»?

Представляется, что ссылка на авторитет Гете: стихи Тютчева *кажутся написанными на известный случай, как того х о т е л Гете, то есть они не придуманы...* (525, разрядка моя. – Г. М.) – в определенной степени является тургеневским объяснением своеобразия собственного творчества 40-х – начала 50-х гг. Известно ироническое либо негативное отношение современников к богато развитому воображению Тургенева, проявлявшемуся в его устных рассказах¹⁶. При этом те же современники не отрицали, что «поэтическая ложь»¹⁷ Тургенева чаще всего была связана с фактом, событием действительности, при этом неукоснительно соблюдалась историческая и психологическая точность. Таким образом, под *сочинительством* Тургенев разумел романтическую оторванность от реальности. Много позже, в конце жизни, писатель в свойственной ему манере самоуничтожения, несколько сдвигая

акценты, подводил итоги своего творчества: «...и фантазии-то большой у меня нет, и фабулу-то выдумать мне не легко, особенно теперь, когда воображение уже не действует, как прежде. Мне всегда нужна встреча с живым человеком, непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом, прежде чем приступить к созданию типа или к составлению фабулы; конечно, я не какой-нибудь фотограф, я не срисовываю своих образцов, но уже Белинский заметил, что что-нибудь выдумать, взять что-нибудь из головы, я совершенно не способен...»¹⁸.

IV. Очевиден пушкинский подтекст 5-ого положения статьи «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева». Подразумеваем поставленную Пушкиным проблему соотношения моцартианского и сальерианского начал в художественном творчестве. Для Тургенева в связи с Тютчевым оказываются важными понятия озарения, спонтанности и легкости поэтического дара: *Если мы не ошибаемся, каждое его стихотворение начиналось мыслью, но мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления...* (526); *Исключительно, почти мгновенно лирическое настроение поэзии г. Тютчева заставляет его выражаться сжато и кратко...* (527).

Размышления о *дешевом триумфе виртуоза и дешевой власти его над своим опошленным вдохновением* (525) демонстрируют актуальность для Тургенева еще одной стороны пушкинского решения

¹⁵ Подробнее см.: P. Waugh, *Metafiction, The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*, London and New York, 1984, 2.

¹⁶ См., к примеру, воспоминания П. В. Анненкова, А. Я. Панаевой (Головачевой), Е. М. Феоктистова – И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, Т. 1, 83–85, 104–105, 444–445.

¹⁷ П. В. Анненков, «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1856», И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, Т. 1, 84.

¹⁸ М. М. Ковалевский, «Воспоминания об И. С. Тургеневе», И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, Т. 2, 143.

проблем психологии творчества. Имеется в виду сопоставление в «Египетских ночах» импровизатора с его легкостью стихового потока и Чарского, уверенного в том, что поэзия – дело частное, а не предмет праздного светского развлечения (по Тургеневу – *опошленного вдохновения*). Молодой Тургенев обладал удивительным даром импровизации, и современники «отдавались удовольствию слушать волшебную сказку, любоваться развитием непродуманного, бессознательного творчества, удерживая при этом наиболее смелые, яркие и поразительные черты фантастической работы»¹⁹. Но, как указывалось выше, подобный дар вызывал не только восторги слушателей.

Статья о Тютчеве писалась Тургеневым в годы осознанного процесса преобразования собственной личности. Вполне вероятно, что этот процесс включал в себя как интенсивную внутреннюю работу над собой, так и смену имиджа. Во всяком случае, стремление к внешнему эффекту могло рассматриваться Тургеневым как один из соблазнов молодости и неопытности. Более поздние воспоминания о тургеневских импровизациях рассказывают, скорее, о согласии писателя раскрыть интересующимся свою творческую «кухню»²⁰. С этой точки зрения, отмеченное 5-е положение статьи Тургенева является декларацией определенных изменений, произошедших (или происходивших) во взглядах писателя на литературное творчество и литературный

быт, свидетельством перемещения центра тяжести с того, что в нем было названо «внешней натурой»²¹, на внутреннее содержание личности.

Не углубляясь в вопрос о том, с кем, Моцартом или Сальери, отождествлял себя сам Пушкин, отметим, что для раскрытия механики творчества поэт использовал категории вдохновения и труда (моцартианское и сальерианское). То же у Тургенева: акцент делается на вдохновении, но попутно оговаривается, что *произведение поэта не должно даваться ему легко... <...> он должен выносить его у своего сердца, как мать ребенка в чреве* (525). В целом же речь идет о характерном для русской культурной традиции (и мы видим, как она складывается) предпочтении экстатического характера поэтического творчества рациональному мастерству. Сошлемся на высказывание В. Г. Белинского, оговорив вероятность использования Тургеневым его статей о Пушкине в качестве своеобразных «зеркал», преломляющих пушкинские темы: «В лице Моцарта Пушкин представил тип непосредственной гениальности, которая проявляет себя без усилия, без расчета на успех, нисколько не подозревая своего величия... Как ум, как сознание, Сальери гораздо выше Моцарта; но как сила, как непосредственная творческая сила, он ничто перед ним»²².

V. С этой точки зрения, русская традиция – выражение торжества иудео-эллинской традиции над ренессансно-

¹⁹ П. В. Анненков, «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1856», 83–84.

²⁰ См., к примеру: «Встреча Тургенева с Лассалем. (По воспоминаниям М. П. С-вой)», *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*, Т. 2, 46–49.

²¹ А. И. Герцен, *Собр. соч. в 30 т.*, М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965, Т. XXII, 176.

²² В. Г. Белинский, *Полн. собр. соч. в 13 т.*, М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, Т. 7, 559.

барочной. Как известно, перемена акцентов нашла наиболее рельефное выражение у Ф. Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки». По Ницше, дионисическое опьянение и мистическое самоотчуждение художника, аполлоническое воздействие сна открывают ему «его собственное состояние, т.е. его единство с внутренней первоосновой мира...»²³. Искусство становится потребностью превращать в совершенные вещи, являющиеся «рефлексами совершенства»²⁴ творца. До Ницше подобное утверждалось романтиками и Шопенгауэром, которого тщательно изучал Тургенев, а после Ницше – русскими символистами и постсимволистами: например, у Н. Гумилева поэты «духовно ... ведут свой род от Орфея, Гомера и Данте»²⁵.

Расстояние меж Тургеневым и русским постсимволизмом (уже – Н. Гумилевым) не столь велико, как может казаться. Дело в том, что отсылка к тургеневской статье содержится во второй части известной работы Н. Гумилева «Жизнь стиха» (1910)²⁶. Гумилев использует тургеневскую метафору сходства творческого акта с «муками деторождения»²⁷, задействуя тем самым пафос всей тургеневской статьи о

²³ Ф. Ницше, «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру», *Ф. Ницше, Сочинения. В 2-х т.*, М.: Мысль, 1990, Т. 1, 63.

²⁴ Ф. Ницше, «Сумерки идолов, или как философствуют молотом», *Ф. Ницше, Сочинения. В 2-х т.*, Т. 2, 598.

²⁵ Н. Гумилев, «Письма о русской поэзии», *Н. Гумилев, Сочинения. В 3-х т.*, М.: Художественная литература, 1991, Т. 3, 35.

²⁶ См. примечания Р. Д. Тименчика к статье Гумилева – Н. Гумилев, *Сочинения. В 3-х т.*, Т. 3, 255.

²⁷ В примечаниях к статье Тургенева указывается, что эта метафора Гете была использована Белинским в одной из его статей о Пушкине. См.: И. С. Тургенев, *Собр. соч. в 12 т.*, М.: Художественная литература, 1979, Т. 12, 429.

Тютчеве, где во главу угла ставится *жизненность, неподдельность вдохновения, искренность самовыявления*. Так Гумилев защищает себя от упреков в холодности и рациональности как собственного дарования, так и своего поэтического учения²⁸. Для начала XX века это весьма актуальный полемический запал, так как мы знаем, что тот же Ницше впоследствии подчеркивал не метафизическую, а игровую природу искусства, как это до него делали Шиллер и Кант, настаивал на том, что «искусство все более развивается как талант лгать»²⁹, художник же выдумывает средства, чтоб сделать вещь достойной желания³⁰. К 20-м гг. XX века, как писал Ортега-и-Гассет, искусство практически утрачивает всяческую патетику³¹.

Вторая часть указанной статьи Гумилева содержит описание рождения стиха:

²⁸ Ср с претензиями в адрес акмеизма и Гумилева в статье А. А. Блока «Без божества, без вдохновенья» или с высказываниями К. В. Мочульского в защиту Гумилева: «Непостижимо, что Гумилева упрекали в односторонности и формализме. Его благоговение перед божественным словом, его бережное, религиозное отношение к стиху называли анатомией. По непониманию? Едва ли: не понять невозможно. Просто по незнанию» – К. В. Мочульский, «Поэтика Гумилева», *Звено*, Париж, 1923, 18 июня – цит. по: Н. Гумилев, *Сочинения. В 3-х т.*, Т. 3, 253.

²⁹ Ф. Ницше, «Казус Вагнера. Проблема музыканта», *Ф. Ницше, Сочинения. В 2-х т.*, Т. 2, 573.

³⁰ Ф. Ницше, «Рихард Вагнер в Байрейте», *Ф. Ницше, Избранные произведения в 3-х т.*, М.: Наука, 1994, Т. 2, 97.

³¹ «В искусстве, обремененном “человечностью”, отразилось специфически “серьезное” отношение к жизни. Искусство было шуткой серьезной, почти священной. Иногда оно – например, от имени Шопенгауэра и Вагнера – претендовало на спасение рода человеческого, никак не меньше! <...> ...художник наших дней предлагает нам смотреть на искусство как на игру, как, в сущности, на насмешку над самим собой» – Х. Ортега-и-Гассет, «Дегуманизация искусства», *Х. Ортега-и-Гассет, Эстетика. Философия культуры*, М.: Искусство, 1991, 254–255.

«Душа поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в незабываемо яркий миг, иногда смутно, как зачатые во сне, и долго приходится вынашивать зародыш будущего творения, прислушиваясь к робким движениям еще не окрепшей новой жизни. Все действует на ход ее развития – и косой луч луны, и внезапно услышанная мелодия, и прочитанная книга, и запах цветка. Все определяет ее будущую судьбу»³². Эта манифестация близка реминисцентному гетеанскому слою тургеневской статьи: стихи *кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гете, то есть они не придуманы... (525)*. Гумилевский нарратив о гармонии мысли и чувства в поэтическом тексте (стихотворное произведение «...должно иметь: мысль и чувство – без первой самое лирическое стихотворение будет мертво, без второго даже эпическая баллада покажется скучной выдумкой...<...> должно ... быть вызванным к жизни не “пленной мысли раздражением”, а внутренней необходимостью, которая дает ему душу живую – темперамент»³³) схож, к примеру, со следующим фрагментом тургеневского текста: *мысль в лирике Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно <...> поэту надо высказать одну мысль, одно чувство, слитые вместе, и он большею частью высказывает их единым образом... (526–527)*. Таким образом, не лишено основания предположение, что работа

³² Н. Гумилев, *Сочинения. В 3-х т.*, Т. 3, 9.

³³ Н. Гумилев, *Сочинения. В 3-х т.*, Т. 3, 10–11.

Тургенева о Тютчеве могла служить одним из источников, вдохновлявших Гумилева – критика и теоретика стиха.

Косвенным подтверждением тому является такое обстоятельство: Гумилев считал Тютчева одним из четырех великих русских поэтов (наряду с Державиным, Пушкиным и Баратынским)³⁴ и, следовательно, мог интересоваться интерпретациями его творчества. Интерес представляет письмо, приведенное Р. Тименчиком в комментариях к рецензии Гумилева на сборник стихов А. Тинякова³⁵. В этом письме Тиняков называет Гумилева «самым крупным и серьезным из всех русских поэтов, рожденных в 80-х гг.» (ср. с 1-ым положением статьи Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева!») и, цитируя метафору А. Фета, обращенную к стихам Ф. Тютчева, именуется Гумилева «патентом на благородство» своего поколения. Не исключая комплиментарного характера тиняковского панегирика, заметим все же, что в сознании определенной части современников имена Тютчева и Гумилева в культурной иерархии той или иной эпохи сопоставимы, если не равноценны. Возможно, что немаловажно, подобный взгляд на предшествующую и современную поэтическую культуру формировался не без участия адресата послания Тинякова, самого Гумилева.

VI. Думается, что в «Нескольких словах о стихотворениях Ф. И. Тютчева» нашло отражение кризисное сознание Тургенева

³⁴ См., к примеру: Н. К. Чуковский, *Литературные воспоминания*, М.: Советский писатель, 1989, 41.

³⁵ Н. Гумилев, *Сочинения. В 3-х т.*, Т. 3., 290.

в 1854–1856 гг., окрасившее воззрения автора статьи на литературу вообще и поэзию Тютчева в частности.

С этой точки зрения, интересны 3-е и 6-е положения статьи о *соразмерности таланта с самим собою, о соответствии его с жизнью автора, о прирожденной творческой избирательности* – в целом, о некоем идеальном гармоническом состоянии художника (не будем касаться того, насколько в 1854 г. Тургенев чувствовал или понимал ужас и тяжесть тютчевского дара тайнослышанья).

В статье Тургенев ведет речь и о том, что, как полагал Дидро, есть признак гениальности художника³⁶, и о том, что Тютчев обладал счастьем быть самим собой, обладал творческой свободой. При этом Тургенев, судя по всему, осознавал, что эту свободу даруют: во-первых, не рассудок, а *raisons de coeur** – *...и самые эти великие мысли, если они действительно велики, выходят не из одной головы, но из сердца... (525–526)* – и, во-вторых, переживание принадлежности к целому природы и к *почве*, под которой разумеется *общая жизнь народа, к которой как частность принадлежит ... личность (525)*³⁷.

Самого Тургенева в эти годы мучают неустойчивость собственного характера и поведения, расхождение меж Тургеневым – человеком и Тургеневым – писателем,

³⁶ Особое чувство, рожденное наблюдательностью творца, есть тот «редкостный механизм, который говорит: “вот это удастся”... и удается, “а вот это нет”... и не удается, “вот это правда, а это ложь”... и оказывается на самом деле так» – Д. Дидро, «О гении», Д. Дидро, *Эстетика и литературная критика*, М.: Художественная литература, 1980, 215.

* доводы сердца (*фр.*), выражение Б. Паскаля.

³⁷ Вполне вероятно, что в этом высказывании Тургенев, учитывая склонности Тютчева, отдал дань почвенному этосу славянофильства.

противоречие между творческим и профетическим, несовершенство реальности и тотальное стремление воплотить идеал. «*Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями. Дон-Кихот по крайней мере верил в красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Дон-Кихоты и видят, что их Дульцинея – урод – а все бегут за нею. У нас нет идеала – вот отчего все это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым – и религия не всякому дается – тотчас*», – писал он в письме к графине Е. Е. Ламберт летом 1856 г.³⁸

Тургенев был сосредоточен на кантовской проблеме неразрешимости конфликта меж умом и чувством. В плане эстетическом, если судить по статье, посвященной поэзии Тютчева, его впечатляет способность последнего облекать мысль в чувственный образ (7-е положение статьи). Но важно не только это. Тургенев дает характеристику тютчевского творчества как поэзии *дельной и й, то есть искренней, серьезной*. Таковой она является оттого, что в ней есть некое целеполагание: *...поэту н у ж н о в ы с к а з а т ь о д н у м ы с л ь, одно чувство, слитые вместе, и он большею частью высказывает их единым образом, и м е н н о п о т о м у, ч т о е м у н у ж н о в ы с к а з а т ь с я, потому что он не думает ни щеголять своим ощущением перед другими, ни играть с ним перед самим собой (527, разрядка моя. – Г. М.)*. Сравним это высказывание с эпистолярными размышлениями Тургенева о собственной лите-

³⁸ И. С. Тургенев, *Письма*, Т.3, 107.

ратурной судьбе в ноябре 1857 г., отметив одинаковую лексическую маркированность литературно-критического суждения и исповедального послания: «...и пора мне сделаться если не д е л ь н ы м человеком, то по крайней мере человеком, з н а ю щ и м, к у д а он идет и ч е г о хочет достигнуть. Я ничем не могу быть, как только литератором – но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет» (разрядка моя. – Г. М.)³⁹.

Кризисное состояние Тургенева в середине 50-х гг. отразилось и в переписке, и в творчестве (повести «Фауст», «Ася», роман «Дворянское гнездо», статья «Гамлет и Дон-Кихот»). Писатель осмыслил не только свой вклад в отечественную словесность, но и прожитые годы в целом в их возрастном исчислении. Сорокалетие для Тургенева – тот порог, за которым открывается иное измерение жизни, иные ценности и страсти. Позади молодость, мечты о счастье, впереди – пожинание плодов знания и опыта. Поэтому не случайной выглядит вскользь брошенная фраза в статье о Тютчеве: ...в г. Тютчеве заметен тонкий вкус – плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности (527). К середине 50-х гг. Тургенев создает программу построения собственной личности, много размышляя над незаинтересованным познанием Шопенгауэра и над познанием через любовь, преодолевающим отвлеченность знания, Гете⁴⁰: «... чего не полюбишь, того не поймешь; а

чего не понял, о том не следует толковать», – излагает Тургенев свое жизненное кредо в очередном письме к Ламберт⁴¹. Представляется, что поэзия Тютчева служила для Тургенева доказательством именно этого гетевского тезиса. Не исключено и сильное влияние на Тургенева мыслей, высказанных высоко ценимым им Белинским в 5-ой статье о Пушкине. Белинский (опираясь на высказывания того же Гете) противопоставил рассудочные, отвлеченные идеи и идеи поэтические: «Идеи проистекают из разума; но живое творит и рождает не разум, а любовь. Отсюда ясно видна разница между идеею отвлеченною и поэтическою: первая – плод ума, вторая – плод любви, как страсти»⁴².

По сути, во всех указанных выше положениях тургеневской статьи настойчиво звучит один мотив: Тютчев исполнен любовного внимания к окружающему миру, его мысль исходит из любящего сердца, из *сильного впечатления*, из знакомства с *языком страсти* – Тютчев *понял*, любя, и потому вправе *толковать* (в статье – *высказаться*).

Выводы:

1. Статья Тургенева тенденциозна с точки зрения упорного стремления представить Тютчева пушкинским «наследником по прямой». Подобная интенция заставила Тургенева «закрывать глаза» на те семантико-эстетические параметры лирики Тютчева, которые противоречили художественным тенденциям Пушкина: на осмысление бытия сквозь призму экзистенциальной

³⁹ И. С. Тургенев, *Письма*, Т.3, 269.

⁴⁰ Подробнее см.: Г. А. Тиме, «Заключение гетеевства», *Русская литература*, 1992, № 1, 227 - 229; Л. Пильд, «Рассказ Тургенева “Фауст”. Семантика эпиграфа», *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре*, Тарту, 1995, 167–172.

⁴¹ И. С. Тургенев, *Письма*, Т. 3, 214.

⁴² В. Г. Белинский, *Полн. собр. соч. в 13 т.*, Т. 7, 312.

трагедии, на, скорее, патетическую, чем лирическую эмоциональность, зачастую принимающую «формы ораторской речи»⁴³, на фрагментарность лирической формы, на наличие в стихах «диалогического сознания» и т.д.

2. В статье Тургенева нашли отражение определенные константы культурологической мысли XIX века, зафиксированные в литературной критике середины 50-х гг. (статьи В. П. Боткина, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, Н. Г. Чернышевского и др.): в частности, постановка и решение проблем, связанных с вопросами о роли и сущности искусства, о личности художника.
3. Тургенев сосредоточился на выяснении неких особенностей психофизического

⁴³ Б. Эйхенбаум, «Мелодика русского лирического стиха», 407.

мира Тютчева. Свойства человеческой и художнической природы поэта определяют, согласно Тургеневу, природу поэтического произведения, содержательные и формальные особенности поэтического письма.

4. В подтексте рассуждений о внутреннем мире и психологии творчества Тютчева лежат размышления Тургенева о собственном художественном сознании и личном творческом пути.
5. Филологическое мышление прозаиков и поэтов начала XX века, отторгая профессиональные литературно-критические интерпретации творчества избранного круга авторов (Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Тютчев), в некоторых (и возможно, немалых) случаях ассимилировало опыт анализа творчества писателей предшествующего столетия писателями же.

„KELI ŽODŽIAI APIE F. TIUTČEVO EILĖRAŠČIUS“:

TEORINĖ IR ANALITINĖ I. TURGENEVO KAIP LITERATŪROS KRITIKO POZICIJA

Galina Michailova

Santrauka

Straipsnyje aptariamas I. Turgenevo literatūros kritinis darbas apie F. Tiutčevo poeziją.

Pagrindinių straipsnio teiginių analizė leidžia teigti, kad Turgenėvas, nors ir prieštaraudamas kai kurioms pagrindinėms Tiutčevo lyrikos tendencijoms, vis tik siekia įrodyti, kad Tiutčevas – poetas gali būti siejamas su „Puškino kryptimi“ literatūroje. Straipsnyje taip pat atsispindi aktualios XIX a. šeštojo dešimt. rusų literatūros kritikos temos ir problemos.

Tiutčevo kūrybą Turgenėvas linkęs analizuoti remiantis poeto psichofiziniu tipu, savybėmis. Kai kurios Turgenevo tezės apie Tiutčevą – tai rusų prozininko bandymas apmąstyti savo paties kūrybą ir visa, kas su tuo susiję. Galima būtų teigti, kad Turgenevo straipsnio tekstas buvo „aktyvizuotas“ N.Gumiliovo kūrybinėje sąmonėje, nes straipsnyje išdėstyta nemažai minčių, itin svarbių postsymbolistams.

Получено: 2004, май

Принято: 2004, май

Адрес автора:

Вильнюсский университет

Кафедра русской филологии

ул. Университето 5

01513 Вильнюс

E-mail: Galina Michailova@flf.vu.lt